

Леонидъ Андреевъ.

Бельгійцамъ.

Наступитъ нѣкогда день—и въ Берлинъ вступятъ войска союзныхъ державъ.

Войдетъ русская армія. Огромная, сѣрая и трудовая, спокойная и неторопливая, она идетъ долго по асфальтовымъ мостовымъ, отбивая привычный тяжелый шагъ. И мрачно смотритъ на нее мрачный Берлинъ: не для того онъ дѣлалъ такія прямыя и превосходныя улицы, чтобы по нимъ маршировали русскіе солдаты. И противно Берлину: онъ, хотѣвшій быть самымъ сильнымъ, онъ, мечтавшій стать послѣднимъ Римомъ и владычество свое утвердить надъ всѣмъ міромъ,—онъ оказался слабъ, онъ побѣжденъ. Тѣ, кого всю жизнь онъ считалъ низшей расой и варварами, непочтительно шагаютъ подъ Браденбургеръ-Торъ и... о, варвары! — даже не дѣлаютъ попытки хоть что-нибудь разрушить, хоть бы носъ одинъ отбить у мраморныхъ героевъ Аллеи Побѣдъ! Если нельзя быть побѣдителемъ, то недурно стать мученикомъ, но нѣтъ—и этого удовольствія не хотятъ доставить безжалостные варвары изъ Россіи. Противно Берлину!

Войдетъ французская армія. Легко и весело шагаютъ французы, такіе странные и такіе неприличные на улицахъ мрачнаго Берлина, въ своихъ старомодныхъ красныхъ шароварахъ; радостью горятъ ихъ черные глаза и съ обиднымъ любопытствомъ разсматриваютъ они свѣжіе памятники прусской столицы, перешептываются, смѣются. И горько Берлину... Но вѣдь и побѣжденный можетъ быть прекрасенъ: и не о красотѣ ли Берлина

шепчутся французы? Хоть и вырождающіеся, они кое-что понимаютъ въ красотѣ городовъ, у нихъ самихъ есть Парижъ, и вѣжливой похвалой они могли бы нѣсколько загладить неприличіе своего вторженія въ міровой городъ. Конечно, разрушать они не станутъ, они слишкомъ выродились для такого бодрого занятія, но похвалить они обязаны! Но нѣтъ: смотрятъ насмѣшливо и удивленно на красоту Фридрихштрассе, на строгую готику Вертхейма, на грозныхъ львовъ у памятника Вильгельму; и—это уже невѣжливо, это уже вандализмъ и варварство!—отъ души хохочутъ на Аллеѣ Побѣды, останавливаются, даже итти не могутъ отъ смѣха. Горько и противно Берлину.

А вотъ и англичане,—«наши кузены съ того берега», проклятые торгаша, измѣнники культурѣ,—невыносимо смотрѣтъ на нихъ мрачному Берлину! Какъ будто и не измѣняли культурѣ: все та же твердая поступь, какую уже давно измѣрили они землю, все тотъ же спокойный и гордый взглядъ, все та же отвратительная манера держаться господами даже въ Берлинѣ. Равнодушно шагаютъ по прекраснымъ мостовымъ, не замѣчая, какъ изумительно выметены онѣ для нынѣшняго парада,—или они притворяются равнодушными отъ зависти? Нѣтъ,—даже позѣвываютъ отъ берлинской скуки, смотрятъ на миленькую Шпре и спрашиваютъ негромко: это рѣка? Обидно и горько мрачному Берлину.

Но кто эти, которые идутъ дальше? Кто эти, передъ кѣмъ преклоняются всѣ знамена, кого привѣтствуютъ почтительнымъ молчаніемъ и русскіе и англичане, низко склоняютъ головы, обнажаютъ ихъ, какъ въ церкви? Кто эти—маленькая кучка блѣдныхъ и измученныхъ людей? Лица ихъ мужественны и опалены порохомъ, но шагаютъ они устало, какъ послѣ безконечно дальняго пути. Кто эти, кто даже не смотритъ на красоту Берлина, но передъ кѣмъ незамѣтно пригибается самъ Берлинъ, становится ниже, какъ будто падаетъ на колѣни?

Ахъ, да,—это бельгийцы... то, что осталось. И стыдно становится мрачному Берлину.

А кто этотъ, кто впереди, передъ кѣмъ склоняются сами мужественные несчастные бельгийцы? Скромный и простой, мужественный и кроткій, молодой, но уже съ сѣдиной невыразимаго горя въ волосахъ,—кто этотъ рыцарь съ открытымъ челомъ и печальными глазами? Это—бельгийскій король Альбертъ, вновь бельгийскій король. И стыдно становится Берлину! Какъ передъ жертвой насилия, возставшей изъ гроба, опускаются угрюмые глаза, стыдомъ и тоскою заливается ожесточенное сердце. И скупыми слезами плачетъ Берлинъ. О былой чести своей, о былой славѣ и честномъ имени своемъ, о погибшей Германіи плачетъ Берлинъ.

Но вотъ весеннее солнце выглянуло изъ тучъ. Мудрое, лучъ свой, самый ласковѣй, золотой и теплый, оно бросило, какъ золотую корону, на прекрасную и благородную голову того, кто въ невыносимыхъ страданіяхъ за свой народъ тщетно искалъ смерти подъ нѣмецкими снарядами—берегла его судьба для иной, прекраснѣйшей доли. Золотой короной легли лучи на скромной головѣ его, и ниже склонились знамена, и больнѣе стали скупыя слезы угрюмаго Берлина.

И тогда... этому трудно повѣрить, но это правда,—и тогда кто-то по-нѣмецки крикнулъ королю Альберту: «гохъ!» На него взглянули—да, это нѣмецъ кричалъ: смотрѣлъ на короля Альберта, плакалъ открыто и кричалъ: «гохъ!» «Это измѣна»—сказали одни. «Нѣтъ, это совѣсть»,—сказали другіе. А тотъ все кричалъ и плакалъ; и вскорѣ присоединились другіе голоса и также кричали: «гохъ!» И чѣмъ громче становился привѣтственный возгласъ, тѣмъ менѣе побѣжденнымъ казался Берлинъ, терялъ свою мрачность, золотился солнцемъ, какъ всякій другой Божій городъ. Смущенно и привѣтливо улыбался блѣдный король, и все громче становились клики: въ измѣнѣ самой себѣ возрождалась Германія, звала назадъ былую славу, свое честное имя.

...Конечно, это моя мечта,—отчего и не помечтать о справедливости, о совѣсти народной, о Божьемъ судѣ! И не одинъ я

такъ мечтаю. Очень возможно, что всѣ мы ошибаемся, и нѣтъ вовсе справедливости, и нѣтъ совѣсти, и не войдетъ король Альбертъ въ Берлинъ, и уже навѣки погибла свободная Бельгiя. Неисповѣдимы судьбы народовъ, и уже давно не посылаетъ на землю пророковъ разгнѣванный Богъ. Кто знаетъ! Кто знаетъ!

Но что, кромѣ мечты нашей, можемъ мы послать благородному народу и его благородному королю? Истерзанный войной, онъ выгнанъ изъ своихъ трудовыхъ жилищъ и брошенъ въ море,—что, кромѣ мечты о справедливости и Божьемъ судѣ, можемъ послать мы ему!